

Пять редакторов* Из журналистского блокнота

Записки Николаева

С Владимиром Георгиевичем Николаевым я проработал много лет и сохранил о нем теплые воспоминания...

В далекие 60-е он взял меня, вчерашнего внештатника "Комсомольского племени", на работу – корреспондентом в газету "Південна зоря", окормлявшую сразу четыре района области. С тех пор я полюбил Бессарабию и одесские пригороды, пристрастился к шабским и староказачьим винам, да и озимые могу отличить от яровых.

Николаев был опытным, поднаторевшим в партийно-хозяйственных дискурсах руководителем. В меру требовательным, но, скорее, снисходительным к нам – молодым журналистам. Таким же Владимир Георгиевич оставался и в областной газете "Знамя коммунизма" (ныне "Юг"), где я прослужил при двух из пяти упоминаемых им редакторах – П.К. Волошенюке и И.П. Беленькове., а затем при Ю.М. Мазуре Николаев являлся их заместителем и, как я сейчас понимаю, был этим уязвлен. И на то наличествовали у него причины. Выпускник филфака Одесского университета, офицер-артиллерист, прошедший войну, раненный и награжденный, он, разумеется, заслуживал и первых ролей, но бдительное партийное око заметило в нем скорее лояльность, чем преданность, старательность, чем истовость – и вывело его на вторые позиции.

Думается, с годами Владимир Георгиевич оказался этому рад. Не знаю его социального происхождения, семейных убеждений, но могу предположить: Николаев если и исповедовал какую-то идеологию, то – одесскую. Согласно ей он не был подвержен национальным и конфессиональным фобиям, преклонялся перед одесской историей и стариной, обожал рыбачить с фохана в районе Большого Фонтана с незабвенным Александром Петровичем Шнайдером.

Другого редакционного остролова – Павла Борисовича Рейцина – считал своим учителем, привившим ему любовь к цирку, где оба были признаны своими людьми. Разумеется, Николаеву приходилось писать и отчеты с партсобраний, и заметки с производства, но, по моим наблюдениям, он более всего любил сочинять рецензии на цирковые представления, заметки об одесской старине и юморески в "Полундру" – сатирический раздел "ЗК".

Он уважал заведующего отделом культуры Александра Андреевича Щербакова – за консервативный профессионализм. Увы, последний из знаменских могикан недавно ушел из жизни...

---

* Рукопись датируется 1980 годом.

Николаев пережил своих редакторов, о которых пишет в публикуемых нами записках. При последнем из замреда его перевели в ответственные секретари, но даже на этой хлопотной, требующей нервоотдачи должности он был верен себе. Не суетился, не "брал в голову" и вел все тот же размеренный, чуть сибаритский образ жизни. Непреклонно ездил с Чермушек обедать домой – на Преображенскую, случалось, и подремывал, запершись в кабинете, зная, что я (его заместитель) не подведу своего шефа...

Как свидетельствует коллега, Олег Губарь, В. Г. не изменил своим привычкам и в газете Одесского университета "За наукові кадри" – на своем последнем редакторском посту. Он же добавил штрихи к портрету нашего редактора. Владимир Георгиевич уважал преферанс, но играл в него с той мягкой иронией, с которой и жил и работал...

Предполагаю, что Николаев вовсе не был урожденным пофигистом. Сверстники, с которыми он провел студенческую юность, помнили Володю совсем другим – романтиком, энергичным и порывистым... Однажды, когда мы коротали ночь в ожидании поступления в номер "ЭК" материалов очередного партийного съезда, Владимир Георгиевич, относившийся ко мне с симпатией, впервые и в единственный раз вспомнил фронтовые годы...

Он чудом избежал гибели – немецкий крупнокалиберный снаряд накрыл командный пункт батареи. Погибли все офицеры, а старшего лейтенанта Николаева контузило

1963 год. Редактор "Південної зорі" В.Г. Николаев и его команда.

В нашей межрайонке в ту пору работали журналисты, ставшие впоследствии известными. На снимке, сделанном при помощи автоспуска Михаилом Рыбаком, – Николай Омельченко, Борис Слобидкер, Рафаил Град, Галина Швец, Юрий Сенкевич и автор этих строк, а также одна из самых классных редакционных машинисток Рая Наумец. Прошу извинения у коллег, фамилии которых запомнил, – ведь прошло уже 43 года...

и засыпало землей... Проходивший мимо образовавшейся воронки боец увидел чуть торчавший из земли сапог и, чего греха таить, решил сменить свои рваные ботинки на хоть какую обувь... Дернул за голенище — показалась нога, тронул ногу — теплая! Вытащил молодого старлея, убедился, что тот жив, и побежал догонять свой взвод...

Может быть, в это миг Владимир Георгиевич что-то понял о жизни и смерти...

Работая над его записками, переданными в наш альманах, я позволил себе не редактировать, а кое-где сократить их. Иначе пришлось бы снабдить их комментариями объемом в основной текст. Казалось бы, прошло всего 26 лет, а как изменилась наша жизнь, да и само понятие о журналистике, которой Владимир Георгиевич посвятил жизнь!

И все же, полагаю, события, некогда происходившие в нашем городе, люди, чьи имена когда-то были на слуху, небесстрастно запечатленные В.Г. Николаевым, найдут отклик в памяти и сердцах одесситов.

Феликс КОХРИХТ

Сначала немного хронологии:

Ф.В. Лифшиц (1944-1946) — 2 года

Г.В. Усть-Шомушский (1946-1949) — 3 года

Г.Г. Рыбин (1949-1960) — 11 лет

И.Б. Кигитов (1960-1963) — 3 года

П.К. Волошанюк (1963-1973) — 10 лет

Два человека в Одессе поставили рекорд редакторского долголетия. Это Рыбин и Волошанюк.

Шесть редакторов пережили я. И ровно шесть пережили меня. Ф.В. Лифшиц зачислил автора сих отрок в штат "Большевистского знамени" литрабом. И.П. Беленьков с удовольствием проводил меня на пенсию с должности отсекра "Знамени коммунизма". Между этими двумя "историческими" акциями пролегло тридцать пять лет без хвостика.

Пять редакторов. Какими они были?

1. Лифшиц (1944-1946)

Федор Васильевич Лифшиц был первым послевоенным редактором одесской областной газеты "Большевистское знамя" — ныне "Знамя коммунизма". Как только я переступил порог его кабинета, еще в шинели, но уже без погон, он строго спросил:

— Пьешь?

— Пью, — не солгал я.

Щелкнул ключ огромного редакторского сейфа (сейчас он стоит в приемной), и на столе появилась сулея с мутноватой жидкостью. Редактор бережно наполнил стакан:

— Давай!

Мне было двадцать шесть — и фронт за плечами. Я не поморщился.

— Еще?

— Нет!

— Будешь работать в отделе культуры.

Мне потом рассказали, что если бы я сказал "да", — я был бы назначен в отдел сельского хозяйства. Так случилось с Осиповым. У редактора были свои принципы подбора кадров.

Мы сидели в кабинетах третьего этажа в старинном доме на ул. Пушкинской, 32. Вместо сигарет курили махорку, вместо кофе хлебали самогон. Было холодно, центральное отопление еще не работало. В кабинетах стояли "румынки". Топлива было вдоволь — необъятные подшивки оккупационной "Молвы". Печи возмущенно гудели от этой макулатуры, которая сгорала необычайно быстро. "Молвой" обертывали ноги вместо портянок, а кое-кто из наших женщин пеленал детей — первенцев послевоенной пятилетки.

Однажды ночью "Молвы" не стало. Это была первая и, пожалуй, последняя репрессия в послевоенные годы. "Молву" увезли на ул. Бебеля.*

"Большевистское знамя" выходило половинным форматом "Правды" на четырех страницах. Мы организовали немало починов на фронте восстановления народного хозяйства города и области. Один из них — почин Анны Вельской, бригадира строителей порта, гремел на всю страну. Вельская выступила в редакции за "круглым столом". Она ездила в Москву и там рассказала о том, как наша редакция помогла ей стать передовиком-новатором. Вельской дали орден, ее избрали депутатом. Это была заслуга коллектива. Копейкина, Шнайдер, Осипов, Мельниченко, Могилевский работали в поте лица. Редактору жали руку в обкоме. Редактор жал руки нам. Все чаще открывался огромный редакторский сейф, все чаще звучала команда:

— Давай!

Любил наш редактор вспоминать фронтовые годы, оборону Одессы, в которой сам участвовал. В тот период он написал немало статей и корреспонденции, но славу ему принесло сочиненное лично им в 1941 году "Письмо фашиствующему фюреру от потомков запорожцев":

* В МГБ — КГБ (ред.).

"...Решили мы с тобой, сукин сын, поговорить один на один. Как завещали нам наши прадеды и деды, пусть на тебя обрушатся все беды. На этом мы писать кончаем и одного желаем, чтобы у тебя, пса, застряла во рту польская колбаса, чтобы ты со своими муссолинами подавился греческими маслинами. И тебя, свирепый ты гад, не минет советский снаряд. Передай это Герингу, Геббельсу и Риббентропу, а заодно поцелуй их в ...".

И далее следовала такая сочная рифма, что будь живы запорожские казаки, они остались бы довольны.

Этот образец эпистолярной литературы, как стало известно в 1945-м, был подшит в деле и хранился в берлинской рейхсканцелярии. Хорошо хранился. За семью замками. Под грифом "Совершенно секретно".

В тот первый мирный послевоенный год на страницах газеты загремело, засверкало имя Посмитного*. Большой очерк о нем написал Павел Мельниченко. И пошло! Макар Анисимович стал большим другом нашей редакции. До конца дней своих...

Лифшиц был веселым человеком, любил шутку, анекдот, экспромт. Редко летучка заканчивалась без смеха, без улыбки. Почему-то у всех в эти годы было хорошее настроение. Может быть потому, что только-только закончилась война, наступил мир, по нам не стреляли, нас не бомбили. Уже одно это было счастьем. Работалось легко, с подъемом, а ведь газета выходила под утро, мы много работали и ночью, недоедали, недосыпали. В командировку ездили в "дежурных" сапогах.

Лифшиц ввел "литературные среды". Осуществляли их мы — работники отдела культуры: А.В. Недзведский (мой первый зав.) и я. Андрей Владимирович вскоре ушел из редакции в университет, стал кандидатом, а потом доктором наук. Наш активный автор и по сей день. Моим новым заведующим отделом культуры стал Александр Петрович Шнайдер — талантливый фельетонист.

Одесские редакции подарили науке немало толковых людей. Кандидатом экономических наук стал Топорков — ныне дипломат, а был литработником отдела информации. Другой литработник, отдела пропаганды, Б.С. Прахье, стал кандидатом философских наук. Ответственный секретарь "Черноморської комуни" И.В. Прокопенко уехал в Киев и там защитил диссертацию. В науку ушли Човганский, Иванченко, Гопченко... Сегодня говорят: "В науку пошел середняк", — но это к журналистам не относится.

Лифшиц требовал, чтобы каждую "среду" были встречи с интересными людьми. На Пушкинской, 32, побывали Максим Рьльский, Константин Паустовский, Любовь Орлова, Остап Вишня, Владимир Сосюра, Исаак Дунаевский.

* М.А. Посмитный, председатель колхоза, дважды Герой социалистического труда.

Дунаевского спросили:

— Чем объяснить, что в последнее время вы мало пишете?

— Иссяк Осипович, — шутливо ответил он.

Поэт-фронтовик Семен Гудзенко вдохновенной читал стихи:

Мы не от старости умрем,

От старых ран умрем...

Вскоре мы узнали печальную весть...

Цирковой артист Эмиль Кио был личным другом Лифшица. Однажды Кио пригласили на редакционную летучку. Из носов и ушей журналистов сыпались серебряные монеты, в карманах обнаруживались белые крысы, царило непринужденное веселье.

Под занавес Кио сжег на столе редактора все забракованные им рукописи, а годные отправил в цилиндр с помощью очаровательной ассистентки Кэти. Кэти уже в 1946-м была в "мини". Никто не возражал.

В одну из "сред" мне было поручено доставить в редакцию внучку Л.Н. Толстого Анну Ильиничну. Она остановилась на Даче Ковалевского. Помню, редактор, давая задание, сказал:

— Вот тебе сто рублей, бери любую машину, доставь, мы ждем.

У моря на веранде маленького домика сидели три старухи. Почему я решил, что самая высокорослая и полная и есть внучка великого писателя, не знаю. Но именно ее я усадил в открытый частный "виллис". Когда разговорились по дороге, то выяснилось, что она не внучка, а торговка рачками с Привоза, у которой остановилась Анна Ильинична. Пришлось возвращаться, но торговка не хотела выходить из машины, ей нужно было в редакции заявить о прохудившейся крыше. Анна Ильинична ее поддержала. Так я привез в редакцию двух старух: одну литературную, а другую торговую. На встрече обе уселись в президиуме. Их путали. Кончилось тем, что обоим преподнесли цветы. Василий Колосов сфотографировал подружек на память вместе с нашим редактором.

Всю жизнь буду благодарен Лифшицу. Он научил нас быть всегда в хорошем настроении, в любых ситуациях не теряться, познакомил с интересными людьми, был настоящим одесситом. "Ни часа без шутки" — его девиз.

К сожалению, редакторство его было непродолжительным. Но как здорово, что даже в самые грозные для него дни он не терял чувства юмора.

Лифшиц пришел с опозданием на то самое заседание бюро обкома, на котором его должны были снять с работы. Конечно, его спросили, почему он, всегда такой точный и пунктуальный, опоздал.

— Я знал, что это то самое заседание, на которое мне нечего спешить.

Члены бюро улыбнулись, но критиковали жестоко. Любого редактора, любую газету всегда можно раскритиковать в пух, это мы, газетчики, хорошо знали.

В конце первый сказал:

— Будете сдавать дела новому редактору, Усть-Шомушскому.

Лифшиц, любивший экспромт, и тут был верен себе:

— Усть? Ну и пусть! — громогласно заявил он.

Все же нам не совсем понятно было, почему Лифшица сняли с работы. Заведовать сектором прессы в обкоме еще оставался Гладштейн.

2. Усть-Шомушский (1946-1949)

Георгий Вениаминович Усть-Шомушский прибыл к нам из Донбасса. Всех удивляла его двойная фамилия.

— Из казаков, — авторитетно заявил Борисов.

В первый же день редактор заслал в набор и опубликовал трех номерах серию своих очерков о шахтерском крае. Чуть позже объяснил кое-кому:

— Обуться надо.

Пара хороших ботинок и составляла стоимость трех "подвалов". Очерки, правда, были сделаны на совесть. Они нам понравились. У Шомушского было удивительное чутье на людей. Именно при нем сложился костяк, на который долго опирался не один редактор. Он сплотил коллектив, умело переманивая лучших журналистов из других газет, из многотиражек, искал и находил способных корреспондентов для села.

Одним из самых способных сельских корреспондентов был Михаил Горбис. Материал он схватывал на лету. Был инициативен, оперативен. Чуть не хватало мастерства. Правки Шомушского ликвидировали этот пробел. Правил редактор умно, бережно, твердо, хорошо зная ситуацию.

Горбис совершал невероятные вещи. Рейд по области на самолетах? Пожалуйста! Всесоюзная переключка свеклосеющих районов? Через три дня это уже было в газете. Встреча Посмитного с ведущими писателями Украины? Через пять дней к Посмитному слетались Гончар, Корнейчук, Василевская, Олийнык, Рыбак...

В дни уборки урожая Шомушский добился того, что был выделен персональный самолет, правда, двухместный. Редактор летал над областью, справлял нужду под крылом самолета, снова взлетал. Об этих полетах долго говорили потом в редакции. Материалов не было. Но важен престиж. Залетал редактор и к Горбису в Гайворонский район, где в селе

Хашцеватом ел знаменитую фаршированную рыбу "фиш" в кабачке "У Бориса". Этот кабачок помнят многие. Там до сих пор висит список почетных гостей. Среди них Шолом-Алейхем, Менделе Мойхер Сфорим, Александр Корнейчук и... Шомушский. Жаль, что Гайворонский район отошел к Кировоградской области.

— Миша, — говорил, бывало, редактор Горбису, — редакции необходим фейерверк.

Горбис понимал эти слова буквально. В кабинет редактора заявлялись лучшие пиротехники области.

Шомушский подбирал журналистов не только по деловым и политическим качествам. Он любил быстрых живых людей. Ненавидел интриганов, подхалимов, стукачей и слухачей. Презирал наушничество. Для него все были равными друзьями по работе. За ошибки бил, но тут же все и кончалось.

Однажды мне довелось увидеть, как редактор ведет себя в обкоме. Случилась опечатка, в которой я был виноват. Нас обоих вызвали к секретарю обкома. Заходим в приемную. Шомушский шепчет мне на ухо:

— Ты хочешь видеть, как я захожу к секретарям?

И тут же, несмотря на приподнявшуюся секретаршу, открыл дверь, ведущую к первому, ногой.

Первый встретил нас приветливо. Разговор шел о новых кинокартинах, о театре, о пряниках, но только не об ошибке. В конце секретарь сказал, кивнув на меня:

— Я думаю, он понял.

— Прочувствовал, — сказал Шомушский.

— Вперед! — сказал секретарь.

Вот и все. Но о том, что Шомушский открывает дверь кабинета большого начальства ногой, узнала вся редакция. Я тому был не первый свидетель.

При Шомушском начали свою деятельность в нашей редакции Лист, Рейцин, Горбис, Щербаков, Петров, множество способных журналистов.

Листа он сделал ответственным секретарем. Рейцина боготворил. Так как тот в прошлом был железнодорожником, Шомушский переманил его из "Черноморского гудка" (ездил лично с Рейциным в командировки по магистрали). Их творческое содружество продолжалось неделю. Очерки об Одесско-Кишиневской тех лет и сейчас читаются с интересом.

— А как вы писали вместе? — спросили Павла Рейцина.

Тот ответил экспромтом:

— Исключение из правил:

Я писал, Шомушский правил.

Георгий Вениаминович развернул в редакции бурную хозяйственную деятельность. При нем был организован буфет по коммерческим ценам, функционировала парикмахерская, в библиотеке сидел сапожник. Буфетчица Аня и парикмахер Исай по утрам обслуживали редактора. Побрившись и выпив чаю с бутербродами, шеф начинал планерку ровно в 10.00. Планерки проходили живо. Шомушский критиковал невзирая на лица, умел зажечь. При нем впервые началось соревнование городов-героев на страницах газеты. Люди много ездили по стране, и за это были благодарны редактору. Когда началась трудная весна 1947-го, мы с Давидом Листом по заданию редакции выехали в Ивановский район и организовали там выездную редакцию "Большевицкого знамени". Газетка выпускалась каждый день форматом 1/8 "Правды". Листок расходился по колхозам мгновенно. Он печатался в районной типографии. Не было электричества, и мы крутили плоскочечатную машину поочередно. Райком выделил нам скудный паек, но мы не жаловались. За работу в выездной редакции обком вынес нам благодарность. Была выдана премия: буханка хлеба и банка повидла. Вечером был пир.

В Ивановском районе не хватало тракторов. Пахали на коровах. Самым популярным лозунгом был: "Личных коров — в борозду!". Дело обстояло так: если председатель колхоза давал свою буренушку в борозду — все давали. Председатели показывали пример.

Шомушский умел работать с людьми, хорошо знал каждого, ценил ветеранов. За это его уважали. И все же однажды он допустил промах в кадровом вопросе.

В отделе писем работал старейший журналист, очень скромный и добрый человек Алексей Михайлович Борисов. Писал он мало, но умел организовать рабкоров, привлечь интересных авторов. Шомушскому показалось, что от старика мало пользы, что ему работать трудно. Борисову было предложено уйти на пенсию. Тот заартачился. Шомушский тоже. Коса на камень. В результате появился приказ об увольнении. Это было вопиющее нарушение не только профсоюзной демократии. В день, когда был издан приказ, Борисов получил поздравление редколлегии "Правды" по случаю шестидесятилетия. Он был одним из старейших рабкоров "Правды", участник обороны Одессы, рабочий поэт первых лет советской власти, которого хорошо знали Катаев, Багрицкий, Олеша, Ильф, Бабель, Бондарин. Но всего этого не знал Шомушский. Пришлось отменить приказ. Редактор публично извинился. Нам всем это понравилось.

Еще долгие годы Алексей Борисов работал в редакции и принес немало пользы. Мы отпраздновали его семидесятилетие и восьмидесятилетие.

Когда заходила речь о здоровье, Борисов отшучивался:

— Слава молоту и наковальне!

А может, и впрямь свое долголетие и богатырское здоровье он выковал за кузнечным горном. Еще в 1913-м году в "Одесском курьере" было напечатано его первое стихотворение под заголовком "Молотобоец":

Я взмахом жилистой руки

Кую железные плуги

И отдаю в закал огню

Мечи и крепкую броню.

Для нас, молодых, Борисов был человеком из легенды. Таким он стал и для Шомушского. Осенью сорок девятого распространился слух, что Шомушский уходит. В одном из кабинетов Могилевский стал на стол и начал громко комментировать это событие, а потом зашел:

— Уходит, уходит Усть

Постигнет редакцию грусть...

Внезапно открылась дверь и в кабинет вошел Шомушский. Был конфуз.

Вскоре действительно Георгий Вениаминович уехал в Киев на учебу. В редакцию не вернулся.

3. Рыбин (1949—1960)

Великий новеллист О. Генри однажды заметил: "Тот не знал и не познает никогда всей полноты жизни, если не ведал трех вещей: бедности, войны и любви".

Георгий Георгиевич Рыбин даже больше, чем кто-либо, познал все это.

Он пришел в журналистику из рабочей среды, трудился на Коломенском паровозостроительном заводе слесарем, прошел университеты на военной службе, на Дальнем Востоке, в газете "Тревога". Его закалил тридцать седьмой, просолил сорок первый, когда он еле-еле вышел из окружения, научил смотреть смерти в лицо сорок второй — сорок пятый.

В этом с виду суровом человеке удивительно сочетались твердость духа и доброта, щедрость сердца и простота, суровая проза и высокая поэзия. Он знал наизусть почти всего Маяковского, свободно декламировал Есенина, Надсона. Он цитировал наизусть целые страницы наиболее значительных произведений Ленина и Сталина.

Рыбин был отличным публицистом. Будучи заведующим отделом

партийной жизни редакции "Знамени коммунизма", часто ездил в командировки, много писал. До сих пор помню серию его статей о Кодымской районной парторганизации, о коммунистах "Январки", о восстановлении порта. Передовые писал редко, но на высоком идейно-политическом уровне, остро. Они запоминались, были злободневны. Об этом часто говорили на летучках.

Когда Рыбин стал редактором, никто не удивился. С первых дней он сумел поставить себя.

Помню, когда в его кабинете однажды сидело много журналистов, раздался телефонный звонок. Инструктор обкома партии Кизилев делал замечания и поучал от своего имени.

— А кто это говорит? — спросил Рыбин.

— Инструктор Кизилев.

— Иди к чертовой матери, если не дальше! — выругался Рыбин и повесил трубку.

Редактор имел дело только с секретарями. Дверь, правда, к ним в кабинет ногой не открывал, как это делал Шомушский, но был с ними на дружеской ноге. Кизилев больше не звонил.

— Понимашь, — говорил Рыбин, — звонят да еще поучают.

Это "понимашь" было частым в его речи.

— Понимашь, надо распатронить Березовский райком, — говорил он мне.

И я ехал в командировку "патронить". Секретарем Березовского райкома партии был Лутов. То и дело он занимался фальсификацией, приписками. Борьба с этим злом только начиналась. Статья наделала шуму. Но Рыбин стойко отбивался, не дал автора в обиду. Лутова вскоре сняли с работы.

Более десяти трудных лет руководил Рыбин редакцией. И никогда перед трудностями не пасовал. Только уж очень любил переводить журналистов из отдела в отдел. Мне, например, пришлось работать и в отделе сельского хозяйства, и в отделе вузов, и в отделе промышленности литработником, потом стал заведующим отделом писем. Я недоумевал.

— Понимашь, — говорил редактор, — все это тебе, молодому, на пользу. Познаешь все горести и радости отделов — человеком будешь.

Сколько раз потом я с благодарностью вспоминал эти слова!

Главным отделом редакции Рыбин почему-то считал отдел писем.

— Оттуда ноги растут, — говорил он, — все самое интересное можно взять только из писем.

Особую заботу проявлял Рыбин о технических службах редакции, Он укрепил машбюро. Во главе его стала Фира Лазаревна Раскина. Нашу Фи-

рочку за быстроту печатания называют пулеметом. Многие ведущие писатели города, журналисты печатаются только у нее. Она действительно — одна из лучших машинисток города, а может быть, и Украины — космические скорости сочетаются с безупречной грамотностью. Высоко ценил Рыбин учетчицу отдела писем, а потом секретаря Наталью Делюкову, тогда еще совсем молодую нашу сотрудницу, которая пришла работать в редакцию сразу после освобождения Одессы войсками Красной Армии. Редактор пополнил корректуру квалифицированными кадрами: Шапко, Авижанская, Беер... С курьерами он был на равных, знал их жизнь от и до. С типографскими работниками здоровался только за руку. Умел работать на линолите.

Рыбин был поэтом. Его стихи печатала "Комсомольская правда" в ту пору, когда он был рабочим в Коломне. Да и потом он "грешил", но читал рифмованные строки только в узком кругу. Наш редактор сочинил "100 заповедей журналиста". Не для печати. Иногда он их читал. Кое-что я переписал, кое-что помню:

— Тот же журналист, кто сидит на стуле, журналист тот, кто сидит верхом на столе или ходит вверх ногами.

— Тот не журналист, кто желает поскорее избавиться от собеседника. Каждый десятый посетитель — очерк, каждый десятый жалобщик — фельетон, каждый восьмой телефонный звонок — информация. Каждый новый человек — кусок жизни.

— Тот не журналист, кто не начинает и не заканчивает беседу словами: "А что же нового?".

— Лучшие друзья журналиста: швейцары, официанты, диспетчеры, шофера и дворники. Только у них можно узнать самое интересное.

— Тот не журналист, который не пьет с нужными для творчества людьми.

— Редактор мобилизует, а ответственный секретарь практически организывает. Тот не журналист, кто не попадал между этими жерновами.

— Тот не журналист, кто не требует командировки.

— Тот не журналист, кто никогда не шагал из редакции ночью по опустевшим улицам.

— Тот не журналист, кому сразу нравится написанное им.

— Если приезжаешь в колхоз за положительной статьей, никогда не отказывайся от выпивки.

— Если идешь пешком, старайся иметь попутчика. Уединение опасно для творческой жизни.

— Тот не журналист, кто постоянно твердит о трудностях своей работы. Только один человек должен его понимать — жена.

Вот в таком духе.

Это были годы скоростного строительства важнейших государственных объектов. Журналисты работали на субботниках на сооружении вокзала Одесса Главная, на строительстве шоссе Одесса—Ленинград. Работали и писали об этом. На каждом таком объекте был журналистский пост "Знамени коммунизма". Рыбина можно было видеть то с лопатой в руках, то с заступом. Он любил физический труд. Грести, например, мог часами, и не как-нибудь, а так, что лодка стрелой неслась.

Мы часто рыбачили с лодки на 10-й станции Большого Фонтана. Иногда к нам присоединялся Александр Шнайдер, иногда поэт Игорь Неверов с романисткой Анастасией Зорич, реже Константин Осипов — очень способный, инициативный, но безвременно ушедший от нас журналист.

Технику ужения и на реках, и на море усвоил великолепно, знал тонкости этого дела. Умел вязать скумбрийные и ставридные самодуры. А это не так-то просто. До сих пор вспоминают о нем фонтанские рыболовы-любители, да и профессионалы тоже.

Рыбин поставил рекорд редакторского долголетия. Проработал на посту редактора 11 лет. До него в Одессе никто не мог похвалиться таким стажем. Рыбина тепло провожали на пенсию. Так, пожалуй, никого не провожали.

4. КИГИТОВ (1960-1963)

Долгое время Иван Борисович Кигитов был у Рыбина заместителем, и на этой должности слыл тихим, внимательным, вроде добрым человеком, даже скромным. Но все это было за широкой спиной такого редактора, как Рыбин.

Будучи заместителем, все чего-то выжидал. Характерная деталь: стоило Рыбину заболеть или уйти в отпуск, как Кигитов разворачивал бурную деятельность. Сильный коллектив есть сильный коллектив. Создавалось впечатление, что Кигитов умеет... Но, став редактором, он направлял эту свою бурную деятельность в личную пользу... Нет смысла долго говорить о его недостатках. Их было много...

Первые два года все шло по инерции. Заведенная Рыбиным и его предшественниками машина двигалась по прямой. Шли премии из ВДНХ, были и положительные обзоры республиканских газет. Но коллектив все видел, знал и чувствовал, что что-то "не тее". Инерция угасала, шел третий год руководства газетой новым редактором.

И вот однажды на партсобрании посыпались на Кигитова критические замечания, едкие, колкие, но принципиальные, справедливые. Одно, второе, третье... не шесть.

О, если бы человек понял! Если бы, как Шомушский когда-то, признал свои ошибки, извинился, поправился. Но нет, не понял, стал в позу, понадеялся на поддержку кое-кого. Кигитов не удержался от соблазна считать себя непогрешимым.

Полушутя-полусерьезно, не помню, кто из маститых писателей, вывел в свое время следующую формулу: человек — это дробь, где числитель — то, что он есть, а знаменатель — то что о себе мыслит. Чем больше знаменатель по отношению к числителю, тем меньше дробь.

В постановлении собрания, на котором так остро критиковали Кигитова журналисты, были слова: "...довести до сведения обкома партии"...

В ту пору (1963 г.) секретарем обкома партии по пропаганде была Лидия Всеволодовна Гладкая. Мы уважали эту умную и образованную женщину. Она хорошо понимала журналистов, и журналисты понимали ее. Держала себя просто, давала разумные советы, не раз выручала нашего брата, попавшего в трудное положение, часто ненароком заезжала в редакцию. Мы получали от нее очень важную информацию, что помогало избежать многих накладок.

Не все знают, что Гладкая коренная одесситка, что она окончила исторический факультет университета перед самой войной. Будучи студенткой, много занималась спортом. И серьезно. В баскетболе была чуть ли не мастером. В те времена женская сборная одесского университета по баскетболу была одной из сильнейших команд Одессы, а среди студенческих команд одной из лучших на Украине. Играя за сборную, Гладкая побывала во многих городах страны. Помню матчи и тренировки с ее участием во многих спортивных залах. За быстрой стройной фигуркой Личи (так ее все тогда звали) всегда пристально наблюдал студент-историк Коля Шарыгин, будущий ее муж, впоследствии блестящий дипломат, увы, не доживший до наших дней. Гладкая везде успевала, была наиспособнейшей студенткой, большой активисткой в общественной жизни. В послевоенные годы она была секретарем ЦК ЛКСМУ, потом работала в Одесском горкоме партии. И вот — обком...

— Нормальный человек, — говорили о ней журналисты. И это была высочайшая оценка.

Нам нравилось, что Гладкая была настоящей одесситкой, что ее никогда не покидало чувство юмора.

Известный дореволюционный, но очень прогрессивный журналист Влас Дорошевич писал: "Одессой и одесситами должны руководить только люди, влюбленные в этот неповторимый город, в одесситов, понимающие одесситов, не лишённые чувства юмора..."

К сожалению, на больших руководящих постах в Одессе побывало немало "варягов", не знающих Одессы и одесситов, не любящих их, и тем самым нанесших большой ущерб нашему общему делу.

Говорят, спортивные журналисты любят подсчеты: очки, голы, секунды, кто, где, когда. Но подсчеты бывают и другого рода. Перелистайте подшивки одесских газет, поройтесь в партархиве — и вы узнаете, что за послевоенные годы 146 руководящих "варягов" были с треском сняты с работы.

Из всех секретарей обкома партии я особо выделяю двух замечательных людей, которые запомнились на всю жизнь своей человечностью, талантом, эрудицией, умением работать с людьми, тактом и партийной принципиальностью. Это первый секретарь обкома партии пятидесятых годов Алексей Алексеевич Епишев и не первый секретарь шестидесятых годов Лидия Всеволодовна Гладкая...

Л.В. Гладкая поддержала мнение большинства коммунистов редакции. Вопрос о Кигитове был поставлен на бюро. Финита ля комедия.

5. Волошанюк (1963 — 1973)

Он был одним из тех, кто работал в нашей газете еще до и во время Великой Отечественной войны.

Листая подшивку "Большевицкого знамени" за июнь-август 1941 года, я не раз встречал его фамилию под фронтовыми корреспонденциями.

Молодой Волошанюк работал в молодой газете. Всего только три с половиной года исполнилось "Знамени", когда началась война. И не знал, и не ведал начинающий журналист, что судьбе будет угодно сделать его редактором этой газеты, когда ему уже стукнет 49. Одиннадцать лет оставалось до пенсии, и ровно 10 лет он был редактором нашей газеты.

— Редактору газеты очень важно вовремя уволиться, — шутил Волошанюк.

Коль зашла речь о войне, не могу не сказать о журналистах, которые, как и Волошанюк, давали свои статьи с переднего края обороны Одессы. Это А. Борисов, М. Макаров, П. Мельниченко, К. Шарапов. Давид Лист работал и печатался тогда в "Черноморской коммуне". Михаил Мельман был художником фронтовых газет и после войны снова пришел в редакцию "Знамени коммунизма".

Волошанюк имел за плечами огромный опыт партийно-политической работы, приобретенный им во время войны и в послевоенный период. Был он редактором и винницей областной газеты, и других газет, много лет работал в отделе агитации и пропаганды Одесского областного комитета партии, руководил одесской телестудией.

Конечно на фоне Кигитова Волошанюк выглядел куда ярче, умнее, привлекательнее. Он многих знал в городе и области. И его многие знали. При нем в газете активно сотрудничали заслуженный агроном УССР И.В. Вовченко, лауреат Государственной премии ученый-аграрник Б.Э. Берченко, токарь-скоростник Г.И. Нежевенко, моряки А.М. Хасин, П.М. Мыльников, профессор В.Г. Коновалов. Газета была интересна выступлениями писателей Ивана Гайдаенко, Ивана Рядченко, Игоря Неворова, Владимира Ляскового, Юрия Усыченко, Юрия Трусова, Григория Карева.

В эти годы было много нервозности. То газета становилась органом промышленного обкома, то нормального. То она дублировалась на украинский язык, то снова выходила на одном русском. То сокращались штаты, то пополнялись, но никогда не разбухали...

При Волошанюке мы отпраздновали двадцатилетие Победы. В 1965-м был выпущен объединенный номер газет городов-героев: "Московской правды", "Ленинградской правды", "Волгоградской правды", "Славы Севастополя", "Киевской правды" и одесской "Знамя коммунизма". Керчь, Новороссийск и Тула тогда еще не были в числе городов-героев. Тогда, в 65-м, и появился девиз "Первыми были в суровом бою, первыми будем в мирном строю!". "Правда" похвалила наш объединенный номер. Традиции, зародившиеся в тот год (дружба, переключки, соревнование городов-героев), живы и сейчас.

До и после XXIV съезда КПСС "Знамя коммунизма" вела рубрику "Хозяйствовать эффективно, экономически грамотно". Под этой рубрикой были опубликованы статьи о проблемах рентабельности, прежде всего, животноводства, отдельных хозяйств, об использовании малопродуктивных земель и неудобий, о поливных гектарах, о бережливости, о том, что дает рубль, вложенный в производство, об экономической науке и практике. Большой популярностью у читателя пользовались рубрики "Берегите, храните как зеницу ока землю" и "Фермы: резервы и перспективы". Много сделал для становления сельхозотдела газеты П.П. Михайлюк, а с приходом в нашу редакцию способнейшей журналистки Беллы Кердман отдел стал еще глубже, ярче освещать аграрные вопросы.

При Волошанюке расцвела "Полундра". Надо сказать, что Кигитов умалил ее значение, и она на некоторое время исчезла со страниц газеты. Посыпались письма в редакцию. "Полундра" была полностью восстановлена во всех правах. Ее творец Александр Петрович Шнайдер (Карп Полубаков) — один из старейших сотрудников редакции, ветеран войны, автор многих фельетонов, либретто оперетт, пьес, "капустников" в одесском Доме актера.

Нет нужды рассказывать о выступлениях "Полундры". Перелистайте подшивку за 15 лет, обратите внимание на 4-ю страницу воскресных номеров. Короткий фельетон Карпа Полубакова ожидался с нетерпением. Была хорошая действенность. Было ОТК "Полундры". Ее знали во многих городах. "Клуб "12 стульев" "Литературной газеты" благосклонно относился к ней.

Однажды в канун 1 апреля мы сообщили "Клубу 12 стульев" в ответ на его просьбу, что:

1. Одесса намерена смеяться круглый год без выходных и даже первого апреля.
2. "Клубу 12 стульев" следует переехать на Дерибасовскую.
3. Необходимо возратить "Рога и копыта" их законным владельцам — нашим землякам.
4. В Одессу следует направить по путевкам Литфонда неизвестных доселе юмористов и сатириков. Расходы отнести по статье "Подготовка кадров".
5. И вообще, Одесса не возражает против установления звания "Столица смеха".

Это шуточное послание было использовано на последней странице "Литературной газеты".

Несколько лет спустя, во второй половине 70-х, когда первым в обкоме уже был Н.К. Кириченко, "Литературная газета" вернулась к идее сделать Одессу столицей смеха хотя бы на один день — 1 апреля (ср. хороший пример болгарского Габрово). В Одессу был направлен авторитетный представитель "Клуба 12 стульев", но вернулся он в Москву ни с чем. А ведь беседовал с первым. Вот еще один пример того, как "варяги" расстреливают хорошее настроение одесситов.

И дело не только в 1 апреля. Дело в стиле руководства. В Одессе оно должно быть немного иным, не таким, как в других городах, хотя юмор ценится везде. Честное слово — прав был поэт Иван Рядченко, когда утверждал, что в 1941-м

Об одесский бессмертный, прославленный юмор

Разбивались смертельные пули врага.

Волошанюк это понимал. За что и был уважаем.

Как часто собираясь мы у "Копилки", которую содержал Рейцин. Павел Борисович читал нам строки из писем в редакцию:

"Хочу познакомиться с Карпом Полубаковым, хотя знаю, что это невозможно — его образ собирательный".

"Там, где пройдет ремонтная бригада, не пройдет и человек".

"Книга, завернутая в ксилофон".

"Отопление дореволюционное — буржуйка".

"Я не буду художественно изощряться".

"Мавр сделал свое дело, мавр может получить премиальные".

"Жалобный донос".

"В коммунальной квартире не въедешь в коммунизм".

"Я мать почти что двоих детей".

"Мужские трусы имели скрытые дефекты".

"Прошу объявить благодарность медсестре за умение сделать любой укол, за умение войти в вену".

"В процессе ссоры мадам Цапкина показывала Беренбойму неприличные места".

Все это нарочно не придумаешь.

В общем-то, Волошанюк хорошо относился к людям, ценил юмор. Был предельно вежлив, заботился и о ветеранах, и о молодежи.

Не знаю почему, но в годы, когда редактором был Волошанюк, в газете случалось немало ошибок, опечаток, накладок. Кое-какие увидели свет, а кое-что заметили "свежеголовые", успели исправить. Вот только некоторые:

"Промыленный (вм. *промышленный*) обком"

"Ночная реакция" (вм. *редакция*).

"Комсомольцы совершили рейд по тюрьмам" (вм. *по трюмам*).

В объявлениях: кино "Кто вы, доктор Горбис?" (вм. *Зорге*).

"Эстрада уходит на Запад" (вм. *эскадра*).

"Завод имени Мельмана" (вм. *Тельмана*).

"Коллектив Израильского порта" (вм. *Измаильского*).

"Племенные ребята" (вм. *пламенные*).

"Надо, чтобы музыка эротически обогащала" (вм. *эстетически*).

"Развитие мелочной промышленности" (вм. *молочной*).

"Спусковые объекты" (вм. *тусковые*), ну и т. д.

Не знаю, почему так много ошибок было при Волошанюке. А может быть потому, что я у него был заместителем...

Но уволили Петра Корнеевича Волошанюка не за ошибки, а по старости. Пенсия нормальная — персональная, что и требовалось доказать.